

избирательных прав и права на участие в референдуме граждан России, то в данном случае «правовая цепь» выстраивается от федеральных законов к инструкциям ЦИК и на этом замыкается.

Наиболее оптимальным было бы закрепление следующей формулировки в определении юридической силы инструкций ЦИК: «Нормативные инструкции Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по вопросам единообразного применения настоящего Федерального закона и иных федеральных законов, регулирующих избирательные права и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации, издаются строго в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами». Представляется, что законодательное закрепление данной формулировки положительно скажется на развитии демократических институтов в нашей стране, будет способствовать укреплению законности в право-творческой сфере.

Таким образом, обнаруженные в тексте законодательного акта недостатки в закреплении юридической силы являются существенным нарушением законности, которое в ряде случаев приводит к разрыву установленных в Конституции РФ и законах иерархических взаимосвязей, к деформации всей правовой системы страны. Рассмотренные в статье различные формы конкретизации юридической силы нормативных правовых актов в Российской Федерации создают нормативную и доктринальную основу для реализации принципа непротиворечивости законодательства. Закрепление последовательно согласованных друг с другом и выверенных формулировок, закрепляющих юридическую силу нормативных актов различных видов, позволит сформировать единую и лишенную противоречий правовую систему в Российской Федерации, способную заложить нормативные основы для построения правового государства в Российской Федерации¹.

С.В. Савчук

Конкретизация законодательства: экзистенциально-правовой анализ

Человечество стоит на перепутье. С одной стороны, его ожидает исхоженная, привычная тропа, застывшие клише — установления и

---

¹ Данная статья подготовлена при информационной поддержке компании «Консультант Плюс».

требования норм права, с другой — сфера непознанного, новая творческая культура, поиск ответов на еще не заданные вопросы.

Страх мотивирует поведение человека. Из-за страха ошибиться в своем выборе люди нередко принимают пассивную социальную позицию, живут по инерции, вверяют свою судьбу на откуп права, учатся на ошибках других людей, тем самым перенося на них ответственность за свою несостоявшуюся самореализацию. Когда человек обращается к неизведанному, он, не умея сносно держаться на плаву, погружается в незнакомые воды. И когда тонешь, попав в водоворот, нетрудно испугаться и ухватиться за первого встречного в надежде на помощь. Всем нам нужно поддерживать связь с другими людьми, ощущать сопричастность с ними.

Мы свободны, когда сильны, сильны же в той мере, в какой не одиноки. Но при этом необходимо самостоятельно пройти свой путь, пусть даже методом проб и ошибок, иногда идя вслепую, не зная, что поджидает впереди. Опасность не в том, что можно ошибиться в сфере неизведанного. Самая большая опасность, которая подстерегает человека, — отказаться от поиска и связанного с ним риска, прожить жизнью других. Целесообразно и необходимо учиться на ошибках, но только на собственных, а не других. Опыт индивидуален. Твой поиск — твоя личная ответственность. Лучше иногда ошибиться, следуя своей природе, чем слепо во всем вверять судьбу предписаниям норм права.

Человек как разумное существо уникален в своих проявлениях, инстинктах, способах их удовлетворения. Но общество все-таки через норму навязывает коллективный образ действий, подавляя индивидуальность. И зачастую людям даже не приходит в голову задаться вопросом, почему они должны поступать так, а не иначе. Родители содержат детей до их совершеннолетия. Совершеннолетние дети заботятся о своих нетрудоспособных родителях. Каждый обязан платить налоги и сборы в порядке и размерах, установленных законом. Мы соглашаемся с этим точно так же, как принимаем априори направление привычного (нормального) движения стрелок часов — слева направо. Иными словами, действительным (правильным) становится только то, что большинство людей считает именно таким.

Норма — это всего лишь результат соглашения. Любая попытка установить порядок, которого уже или еще нет в головах людей, расценивается как выход за пределы нормы, преступление черты нормальности, проявление сумасшествия. Не составляет труда спрогнозировать реакцию потребителей на выпуск особенной модели часов, стрелки которой движутся в направлении, обратном тому, к которому мы привыкли, то есть не слева направо, а наоборот — справа налево. И даже несмотря на то, что эта модель часов будет показывать такое же время,

как и единственно общепринятые часы, для абсолютного большинства она навсегда останется умопомрачительной, а идея — безумной.

Опасно хотеть и пытаться быть таким же, как все, поскольку означает насилловать природу, поступать вразрез с ее законами. Не имея смелости быть другими, люди зачастую идут против природы, но в соответствии с общепринятыми нормами права: это рано или поздно вызывает неврозы и психозы. Люди растрачивают свою творческую энергию на усилия соответствовать тому серому образу, который создало для них право. При этом каждый старается произвести на окружающих впечатление человека, которому все должны завидовать. О несчастьях других говорим так, будто всеми возможными силами желали бы им помочь, тогда, как на самом деле втайне испытываем некое злорадство. На фоне чужих страданий чувствуем себя более счастливыми людьми, не обделенными судьбой. Нам нравится выглядеть лучше, чем мы есть на самом деле.

Вечная боязнь провала самореализации, страх не оправдать возложенные на тебя надежды, не исполнить ту роль, которую предназначили тебе другие, препятствуют действительно быть собой. Большую часть собственных эмоций человек заменяет страхом. Всех нас, под угрозой применения санкций норм права, учат любить, принимать, идти на компромиссы, избегать конфликтов. Хотя в самой структуре норм права заложена возможность конфликта — норма включает в себя альтернативу выполнения / невыполнения предписания. Право находит именно в конфликте элементы динамизма. Они помогают системе посредством новых ожиданий адаптироваться к изменяющейся общественной сфере и эволюционировать вместе с ней. Особую роль играет связанное с правом ожидание принуждения, которое помогает избежать большого реального насилия. Право заставляет нас ждать, обучает искусству откладывать принятие решения до тех пор, пока проблема не исчезнет сама собой.

Чем же вызывается к жизни право, законодательство? Глубоким инстинктивным чувством того, что лишь благодаря автоматизму, механицизму наших действий возможно совершенство в жизни.

Законодатель, руководствуясь инстинктом общественности, формулирует модели разрешенного, обязывающего и запретного поведения. Тем самым, приписывая позитивную и возлагая негативную обязанность, нам навязывают или же запрещают определенное направление «бытия», образ мысли, известный способ его применения на практике.

Закон запрещает некоторые действия в той мере, в какой они обращены против социума. Сам же образ мыслей, из которого подобные действия проистекают, общество не вопрошает. Ибо те же самые действия, обращенные в ином направлении, необходимы. При

помощи законов лишь пресекается возможность для этого образ мысли прорваться в ненадлежащих формах. Мы запрещаем такие поступки именно по отношению к нам самим.

Сам по себе поступок лишен ценности. Оценка его по происхождению, последствиям или сопутствующим ему субъективным явлениям вряд ли возможна. Нам недостает знаний, чтобы быть в состоянии измерить ценность поступка, и, во-вторых, способности относиться к ним объективно. Мы являемся стороной, а не судьями. Все дело в том, кто совершает поступок. В одном случае то же самое деяние провозглашается правом, а в другом — преступлением. Эгоизм побуждает рассматривать деяние субъекта в отношении к нашей собственной пользе или же вреду.

Лишь немногие из действий суть действия типические и в этом смысле являют собой аббревиатуру личности. Редко кто характеризуется своим поступком. По воле обстоятельств деяние в большинстве своем сугубо рефлекторное. Все чаще мы ощущаем себя лишь придатком своего деяния. Безусловно, есть действия, недостойные нас. В таком случае законодатель, избегая признания данных действий типичными, задает в нормах модель поведения с обратным родом действий, которых мы «не достойны».

Большинство людей остаются удовлетворенными тем, что дает им норма. Начинаются и заканчиваются нормой¹. Не доверяя организующей способности воли для целого, перестают претендовать на большее. Избегают риска самим ставить перед собой цель, снимая тем самым с себя ответственность. Ищут иного авторитета, который мог бы предписывать задачи и цели, излагать свои требования с безусловностью. Повелительный авторитет законодательства выступает для них компенсацией утраты личного авторитета, веры в разум.

Человек теряет веру в свою ценность, если через него не действует система как ценное целое. Он создает такое целое, конкретизирует его, чтобы иметь возможность верить в свою собственную ценность. Через право придает себе абсолютную ценность в противовес ничтожности человека в потоке становления.

Закрепленные в законодательстве естественные права выступают в ипостаси адвоката жизни, оставляя за социумом, несмотря ни на что, характер совершенства, включая сюда и свободу, равенство, справедливость. Полагая в человеке знание данных абсолютных ценностей, право тем самым оберегает человека от презрения к себе, от отчаяния в познании, от восстания с его стороны против жизни. Право — единственная общепринятая схема толкования жизни, при кото-

---

¹ См.: Козловський А.А. Право як пізнання: Вступ до гносеології права. — Чернівці, 1999. — С. 185—186.

рой человек выносит себя за рамки бытия. Закон — своего рода гордость собой, способ самоутверждения, убеждения себя в своей же значимости. Веря в право, в какой-то мере — мы осуждаем бытие.

Любое право может быть диалектически оправдано, будь то право на жизнь или на смерть. Всякое обоснование права, не говоря уже о конкретизации законодательства¹, по необходимости софистическое. Всякий шаг вперед в сфере гносеологии права воскрешает софистов, протагоровский образ мысли. Однако ничто так быстро не утрачивает своей силы, как диалектический эффект. Диалектика дискредитирует тем, что побеждает. Вызывает недоверие. Это, впрочем, инстинктивно чувствует большинство юристов, как и то, что мы не можем установить никакого «права в себе», а только интерпретации его.

Кроме того, разве есть какой-нибудь смысл в том, что существует «в себе»? Разве смысл не есть всегда смысл отношения и перспективы?! А поскольку слово «познание» имеет смысл, право — познаваемо. Но в силу отсутствия одного смысла право может быть истолковываемо и на иной лад. Следовательно, нет правовых явлений. Есть только правовая интерпретация этих явлений. Сама же эта интерпретация — внеправового происхождения.

Некоторая неизвестность, неопределенность, в которой находится законодатель относительно отдельных сфер управляемого им общества, является условием, при котором вообще приходится управлять. Иначе говоря, мы вынуждены ценить также и незнание, видеть все явления и процессы в общих и упрощенных чертах, исказить все совершающееся, не познавать, а схематизировать. Придавать хаосу столько форм, сколько потребно и полезно для наших практических целей взаимного понимания. Ведь сами по себе знания и незнания лишены ценности. Надо еще иметь перед глазами цель, исходя из которой эти качества приобретут ценность или, наоборот, никчемность. Целесообразность разума — следствие, но не причина.

Мы верим в разум. Мыслим только в форме речи. Перестаем измышлять, отказавшись подчинить себя принудительным формам языка. Благодаря этой необходимости творить формы, цели, законы мы в состоянии создать себе исчислимый, логичный, понятный мир, при котором становится возможным наше существование².

Что же такое познание? Предположим — суждение. Является ли отдельное суждение в таком случае истинным суждением, познани-

---

¹ См.: Питецкий В. Конкретизация оценочных признаков уголовного законодательства // Советская юстиция. — 1991. — № 2. — С. 12—13; Эбзеев Б. Прямое действие Конституции РФ и конкретизация ее норм // Российская юстиция. — 1994. — № 7. — С. 7—9.

² См.: Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык. — М., 2005. — С. 296.

ем? Ответ очевиден — нет. Лишь во взаимной связи, в соотношении многих суждений лежит залог истины. Всякое познание состоит из синтетических суждений с характером необходимости и всеобщности. Но суждение есть вера в истинность наших утверждений или отрицаний, вера в то, что мы действительно что-то познаем. Тогда, откуда заимствует свои основания наша уверенность в истинности подобных утверждений? Где причина этой веры в познание? Ведь возникновению глубокого убеждения, веры зачастую предшествует ограниченный опыт, предположение, что существует не только *data a posteriori*, но и *data a priori*.

В суждении кроется признание, что мы встретились с тождественным случаем. Суждение пронизано верой, предположением, что существуют тождественные случаи. И для того чтобы мыслить и умозаключать логически, необходимо предположить, что это условие выполнено. Но что есть критерий истины? Быть может, логическая определенность и ясность?! Может, истина все же есть своего рода вера как условие жизни?! А мир представляется нам логичным, потому что мы сами его изначально логизировали?! Следовательно, адекватны ли логические аксиомы действительному? Или же законы логики лишь масштабы и средства для того, чтобы мы могли сперва создать себе действительное? Вопросы остаются открытыми. Поскольку для того чтобы иметь возможность что-либо утверждать, необходимо было бы уже сейчас знать сущее, что решительно невозможно. Ввиду этого предположим, что логика не является критерием истины, а содержит в себе лишь императив о том, что должно считаться истинным или неистинным, не сомневаясь в своем праве высказывать что-либо о истинном в себе. И в самом деле, правдоподобно ли, чтобы орудие могло критиковать собственную пригодность?

Логика есть попытка понять действительный мир по известной заданной нами схеме сущего. Познающий интеллект обнаруживает ранее созданный мир. Лишь на основании веры в сущее возможно познание. Допускаем сущее, чтобы иметь возможность мыслить. Однако становящийся мир не может быть, в строгом смысле, понятным. Логика обладает формулами для неизменного. Потому такое допущение сущего не имеет еще силы доказательства его реальности. Вместо того чтобы видеть в логике средство для обработки мира в целях полезности, мы принимаем ее за критерий истины, а следовательно, и реальности.

Чем же может быть толкование законодательства? В большинстве случаев — новым толкованием старого толкования, которое сделалось непонятным в силу динамизма социума. Интерпретацией нормативного массива по заранее заданной схеме для самых различных целей. Включением нового материала в изношенные матрицы, уравниванием

нового. Мы полагаем, что норма объяснена, если показано действие, в котором она уже отображена. Фактически же мы изобретаем причины, формулируем правовые гипотезы по схеме действия — «последнее нам известно». Наполняем понятие причинности содержанием, сохраняя тем самым его как символическую форму равенства, при которой сделались в сущности безразличными личностные различия.

«Надо хотеть средств, если хочешь цели» — эту политическую аксиому уяснили себе все законодатели¹ и правоприменители. К сожалению, средства (толкование, детализация, уточнение) были ложно приняты за мерило ценности самого права, и даже за осуждение самой цели правового регулирования. А цель этих средств конкретизации законодательства в том, чтобы стало возможным обмануть нас с пользой: подыскать формулы и знаки, с помощью которых множественность могла быть сведена в целесообразно доступную схему.

Ясно одно: критика редко касается самого идеала, в основном, лишь вопроса, откуда взялось противоречие с самим идеалом? И почему идеал еще не достигнут? Да все потому, что действительность представляет гораздо более высокую ценность для человека, чем желательность какого-либо идеала. Всякая достигшая апогея желательность принижает ценность человека, его уверенность в будущем. Все ценности, посредством которых мы доньше пытаемся сообщить ценность праву, рано или поздно обесценят его. Кроме одной: право есть самосознание истории вообще. Сильным эпохам и народам чужды рефлексии относительно своего права, принципов действия, разума.

А.В. Пчелкин

Формулы, таблицы, графические изображения как средства конкретизации норм российского технического законодательства

Право, и это в первую очередь касается права отечественного, является динамично развивающейся системой, что выражается не только в количестве принимаемых нормативно-правовых актов, но и в расширении сферы его действия. Под действие права подпадают те

---

¹ См.: Тенцов Э.С. Цели наказания и их конкретизация при построении и применении санкций за преступления против собственности // Проблемы наказания и исполнения приговора в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве: Материалы научной конференции, Кемерово, 5–6 февраля 1992 года. — Кемерово, 1992. — С. 39–42.